

RU

Поиск истинных ценностей в английской философии и литературе межвоенного периода (1918-1938 гг.)

Арапов А. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить основания этики, предлагавшиеся в английской философии и литературе в ситуации кризиса традиционных ценностей в межвоенный период (между 1918 г. и 1939 г.). В статье рассматриваются философские идеи Дж. Э. Мура, этические идеалы, выраженные в произведениях В. Вулф, Э. Форстера и Р. Киплинга. Научная новизна заключается в обнаружении ключевого противоречия этических исканий английских интеллектуалов, нашедших отражение в философских трудах, публицистических эссе и художественных произведениях. В результате были выявлены две принципиально различные этические позиции. Одна из них была направлена на коренной пересмотр традиционных подходов, провозглашая высшей ценностью внутренние состояния. Вторая исходила из незыблемости и актуальности традиционных ценностей. Противоречие между этими позициями обусловило дальнейший ценностный поиск в англосаксонской философии XX века.

EN

The search for true values in English philosophy and literature of the interwar period (1918-1938)

A. V. Arapov

Abstract. The aim of the research is to identify the foundations of ethics offered in English philosophy and literature in the context of the crisis of traditional values in the interwar period (between 1918 and 1939). The article examines the philosophical ideas of G. E. Moore and the ethical ideals expressed in the works of V. Woolf, E. M. Forster, and R. Kipling. The scientific novelty lies in the discovery of the key contradiction in the ethical quests of English intellectuals, reflected in philosophical works, journalistic essays, and works of art. As a result, two fundamentally different ethical positions were identified. One of them was aimed at a fundamental revision of traditional approaches, proclaiming inner states as the highest value. The second proceeded from the immutability and relevance of traditional values. The contradiction between these positions determined the further value search in Anglo-Saxon philosophy of the 20th century.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в необходимости осмыслить истоки и сущность основных тенденций в развитии современного западного мировоззрения. Важный вклад в формирование этого мировоззрения внесли английские философы и писатели. При этом одним из наиболее значимых периодов, определивших дальнейшие аксиологические поиски, стал период между двумя мировыми войнами. Между тем именно мировоззренческая сторона межвоенной англосаксонской философии этого времени остается в тени континентального экзистенциализма. Проблема здесь состоит в том, что за многообразием идей этого времени оказывается не всегда понятным их базовое противоречие. Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие задачи:

- выявить социокультурные предпосылки формирования основных направлений мировоззренческих поисков в указанный период;
- выявить общеполитические основания аксиологических концепций английских философов и писателей;
- выделить основные аксиологические идеи рассматриваемых авторов;
- рассмотреть отражение в англоязычной художественной литературе аксиологических концепций исследуемого периода.

В нашей работе мы использовали историко-критический метод для выявления ценностных ориентаций различных групп философов. Метод сравнительного анализа применялся для определения общего и особенного во взглядах отдельных представителей каждого направления.

Теоретическую основу составили отечественные и зарубежные исследования по метаэтике и аксиологии межвоенного периода. В нашей работе мы использовали общий обзор философской панорамы первой половины XX века, данный Даниэлем Боневаком (Bonevac, 2014). При рассмотрении этических концепций Дж. Э. Мура и английской аналитической философии в целом мы опирались на работы Т. Болдуина (Baldwin, 1990), Б. Б. Хатчинсона (Hutchinson, 2001), Е. А. Кононова (2023), А. Ф. Грязнова (2006). Мироззренческие концепции Вирджинии Вулф были проанализированы в работах И. А. Авраменко (2012) и Н. Э. Петровой (2010). Базовая информация, необходимая для рассмотрения аксиологических концепций Э. М. Форстера, содержится в исследованиях К. Брандера (Brander, 1968) и К. Саммерса (Summers, 1983). Введение в исследование мировоззрения Р. Кипплинга можно найти у К. Дэвида (David, 2007).

Практическая значимость работы заключается в возможности ее использования в преподавании философских дисциплин. В частности, концепцию оправдания действий через внутренние состояния можно применять в спецкурсе «Смысл социальных действий», а анализ выявленных тенденций в англосаксонской аксиологии – в преподавании курса «История зарубежной философии».

Обсуждение и результаты

Перед Первой мировой войной среди европейских интеллектуалов росло чувство скепсиса по отношению к традиционным ценностям. Это происходило, несмотря на беспрецедентный достаток, демократию, уважение прав человека и мир, а может быть, и благодаря им. После Первой мировой войны люди потеряли веру в эти идеалы. Возникали разные реакции – гнев и горечь у поэтов-фронтовиков; ностальгия, страх и чувство упадка или дурные предчувствия у Т. С. Элиота и У. Б. Йейтса; попытка возродить традицию у Кипплинга; вера в иррациональность, у З. Фрейда и некоторых представителей художественного сообщества. Их взгляды оказали большое влияние на новое поколение лидеров, которые в конечном итоге создали условия для Второй мировой войны.

Согласно марксизму, господствующими идеями эпохи являются идеи ее правящего класса. Здесь возникает интересная загадка. Как же тогда вообще был возможен марксизм? В конце концов, кажется, что эти идеи бросают вызов правящему классу. У Карла Маркса был друг и сподвижник, богатый промышленник Фридрих Энгельс. Создавалось впечатление, что Энгельс действовал вопреки собственным классовым интересам. Как такое могло произойти с точки зрения марксистской теории? Ответ Маркса заключается в том, что интеллектуалы – это часть буржуазии, которая отождествляет себя с интересами пролетариата и тем самым противопоставляет свои собственные интересы идеям правящего класса. На самом деле это не дает нам понимания того, как с точки зрения теории Маркса возможно такого рода отождествление себя с классом, отличным от того, к которому он принадлежал. Но это указывает на важный феномен. В 1920-х годах впервые тот социальный слой, который генерировал идеи, начал осознавать себя постоянно находящимся в оппозиции к правящему классу. До этого действительно казалось, что господствующими идеями эпохи были идеи правящего класса. Но начиная с 1920-х годов это становилось все менее и менее верным.

В 1927 году Жюльен Бенда (1867-1956) опубликовал книгу под названием «Предательство интеллектуалов» (Бенда, 2009). Он утверждал, что интеллектуальная группа занимается предательством и разрушает общество. Так было не всегда. Но дело шло к этому. Интеллектуальный класс противопоставлял себя правящему классу. Проблема, по мнению Бенды, заключалась в следующем. Идеи интеллектуалов воспитывают следующий правящий класс, будущих лидеров. В итоге случится так, что система создаст группу лидеров, которые больше не отождествляют себя со своим собственным обществом или его интересами. Их работа будет заключаться в том, чтобы руководить своими нациями, своими культурами, своими цивилизациями. Но они не будут верить ни во что из этого. Цивилизации должны передавать свои нормы, свои ценности и свои структуры от одного поколения к другому, чтобы выжить. Если те, кто отвечает за это, не верят в эти нормы, ценности и структуры, цивилизация обречена. Бенда считал, что это серьезная проблема.

И действительно, к 1927 году Бенда увидел, что интеллектуалы отказываются от традиционных идеалов – и, на самом деле, от всех универсальных истин, от всех универсальных идеалов – по всему западному миру.

Теперь мы рассмотрим особую группу интеллектуалов – группу Блумсбери в Кембриджском университете, которая была связана с закрытым обществом «Апостолы». Это гедонистическая группа, очень замкнутая в своих обычных делах. Ее члены преданы самоанализу, эстетике, пониманию красоты, а также дружбе. Они были глубоко враждебны традиционным ценностям. Их философским кумиром был Дж. Э. Мур (1873-1958). Мур был коллегой Рассела и Витгенштейна по Кембриджу. Он дружил со многими членами группы Блумсбери, в которую входили Э. М. Форстер (1879-1970), Литтон Стрейчи (1880-1932), Леонард (1880-1969) и Вирджиния Вулф (1882-1941), а также Джон Мейнард Кейнс (1883-1946).

Группу Блумсбери в Муре привлекли его этика и эстетика. Мур (1984) утверждал, что никакое научное или логическое определение хорошего не может быть убедительным, так как это базовая идея, не выводимая из каких-либо других идей. Таким образом, этика Мура не была эмпирической и научной. А внутренние блага, вещи, которые сами по себе хороши, не обязательно должны быть взаимосвязаны, они не носят систематического характера. Именно так и поступили Мур и другие философы-аналитики: они показали, что можно рассматривать в качестве систем или их частей, а что нельзя. С точки зрения аналитической философии этика и эстетика на самом деле не являются системами или элементами более обширных философских систем. Внутренние блага, такие как дружба, красота, искусство, любовь, существуют сами по себе. Приверженность им структурирует другие убеждения, а не наоборот. Ошибочно утверждать, что какие-либо более общие взгляды побуждают к дружбе, любви или красоте.

Итак, Мур был философом-аналитиком. Но одна из вещей, которую он пытался доказать, заключалась в том, что независимо от того, насколько высока точность и какие научно обоснованные аргументы использует человек, он не сможет определить, что такое хорошее. Каждый раз, когда мы определяем хорошее, на самом деле мы просто заменяем понятие хорошего чем-то, что нам нравится. Таким образом, для Мура этот анализ дает свободу выбора ценностей, потому что он позволяет не оправдывать представление о добре, так как эти ценности нельзя обосновать или опровергнуть какими-либо логическими способами. Это было, скорее, утверждение предпочтения, а не эмпирическое наблюдение и не логический вывод. Добродетель не поддается определению, ее нельзя свести к чему-либо другому. Если кто-то считал, что надо доказывать, что некоторые вещи по своей природе хороши, то, по мнению Мура, на самом деле их нужно было только увязать в систему. Мура можно назвать одним из основателей того, что сейчас именуется метаэтикой. Дружба, любовь и искусство стали для Мура основными ценностями, основными проявлениями добра. В «Принципах этики» Мур (1984) пишет, что фундаментальным вопросом этики становится вопрос о том, что является благом или самоцелью. Традиционный ответ античной философии – эвдемония, счастье. В конечном счете жизнь счастливая – это добродетельная жизнь. Типичный христианский ответ более прост и направлен вверх: «Прославлять Бога и наслаждаться общением с Ним вечно». У Мура совсем другая идея: «Личные привязанности и эстетические наслаждения включают в себя все величайшие блага, которые мы только можем себе представить» (Цит. по: Bonevac, 2014, р. 246). Итак, все сводится к двум вещам – личным привязанностям и эстетическим наслаждениям, пониманию дружбы и красоты. Это сугубо субъективный стандарт. Мур говорит: «Самое ценное, что мы можем знать или вообразить, – это определенные состояния сознания, которые можно приблизительно описать как удовольствие от человеческого общения и созерцания красивых предметов. Это дает нам высшую моральную истину. Только ради этих вещей – чувства дружбы и понимания красоты, – чтобы когда-нибудь их было как можно больше, каждый может быть оправдан в своих действиях, в исполнении любого общественного или частного долга. Они являются причиной существования добродетели. Именно они, эти сложные целостности, формируют рациональную конечную цель человеческой деятельности. Они составляют единственный критерий социального прогресса» (Цит. по: Bonevac, 2014, р. 246). Единственные вещи, которые по-настоящему ценны, ценны сами по себе – это «определенные состояния сознания». Кажется, что при этом многое упускается из виду, даже с секулярной точки зрения. Внутренние состояния для своего существования требуют определенных материальных условий, которые касаются безопасности, экономического благополучия и медицины. Исторически эти условия создавались и поддерживались государствами и обществами, руководствовавшимися традиционными ценностями. Можно ли будет без этих старых ценностей построить общество, в котором будут реализованы новые ценности?

Одной из тех, кто дал литературное воплощение идеям Мура, стала Вирджиния Вулф (1882-1941) – писательница, расширившая границы своего жанра, писательница, чья чуткость к политике и семейной жизни, эстетике и философии была поистине необычайной. Следует отметить и ее способность рассказать очень трогательную и открывающую глаза на внутренний мир людей историю. Конечно, книга «На маяк» (1927) – одна из величайших книг XX века. Это произведение, безусловно, носит экспериментальный и формальный характер и представляет собой отход от забот модернизма к поиску подлинной реальности. Как и другие члены Блумсберийской группы, Вулф хотела выйти за рамки морали среднего класса, буржуазной морали, а также за рамки привычек в вопросах дружбы, сексуальности, творчества и найти что-то более значимое, менее жестокое и менее лицемерное.

Вот как начинается роман «На маяк»: «Да, непременно, если завтра погода будет хорошая, – сказала миссис Рэмзи» (Вулф, 2010, с. 23). Она уверяет сына Джеймса, что они пойдут на маяк, если будет хорошая погода. Маленький мальчик отчаянно хочет сесть в лодку и отправиться на маяк. И она вселяет в него надежду и уверенность. Но тут же появляется мистер Рэмзи – отцовская фигура, философ: «Да, но только, – сказал его отец, остановясь под окном гостиной, – погода будет плохая». Здесь звучит голос науки, голос знаний и голос разочарования. Такова структура романа. Миссис Рэмзи, материнский голос – это голос доверия, веры, поддержки, близости. Мистер Рэмзи, отцовский голос – это голос разума, объективности и закона.

Центральная сцена романа – это сцена организованного миссис Рэмзи ужина, на котором собрались вместе все персонажи романа. Это может показаться банальным. Но каждый из них приходит из своего мира: дети, которые только что играли на улице, молодые люди, становящиеся все ближе друг другу, пожилые люди со своими мыслями. Миссис Рэмзи хочет, чтобы они были вместе, чтобы у всех этих людей был общий мир. И она – творец мира. Она хочет, чтобы этот мир был основан не только на еде и напитках, а прежде всего на душевной близости и открытости. Такой скептик и рационалист, как мистер Рэмзи, возможно, мог сказать, что все это фантазии, что никакая близость невозможна, поскольку у каждого свой мир, каждый делает свое дело. Можно было бы показать логически, что на самом деле эти люди на глубинном уровне не могут быть близки между собой. Но миссис Рэмзи создает связи. Она не пытается доказать что-либо, она предпринимает небольшие действия, с помощью которых пытается связать их. Миссис Рэмзи заставляет людей обращать внимание друг на друга, формировать круг привязанности и взаимопонимания. Ей это удастся, но кто-то может сказать, что она создает лишь иллюзию. Однако, по мнению Вулф, именно эти привязанность и взаимопонимание – реальность. В этом и заключается суть романа: то, что создает миссис Рэмзи – реально. Именно это и есть настоящее и вечное. «Ведь радость идет, думала она, оглядывая их всех за едой, – от мужа, от детей, от друзей; и, поднявшись в глухой тишине (она выуживала для Уильяма Бэнкса еще крохотный кусочек и заглядывала в глубины глиняного горшка), отчего-то такое вдруг застывает туманом, стремящимся вверх дымком, и всех караулит, всех оберегает. Ничего не надо говорить; ничего и не скажешь.

Здесь она – всех обволакивает. И это как-то связано, думала она, тщательно выбирая для Уильяма Бэнкса особенно нежный кусочек, – с вечностью; нечто похожее она уже чувствовала сегодня по другому поводу; все связано; непрерываемо; прочно; что-то не поддается переменам и сияет (она глянула на окно, струящее отражения свечей) как рубин, наперекор текущему, скоротечному, зыбкому, – и опять нашло на нее давешнее – чувство покоя, покоя и отдыха. Из таких мгновений и составляется то, что навеки останется. Это останется» (Вулф, 2010, с. 123-124).

А после ужина миссис Рэмзи сидит и читает. Мистер Рэмзи подходит и садится рядом с ней, и он хочет, чтобы она сказала: «Я люблю тебя». Но миссис Рэмзи не желает произносить слова, свидетельствующие о том, кто она и что чувствует. Он должен почувствовать ее любовь в душевной близости. Вот что ценно на самом деле. Любовь, которую не нужно выражать словами.

В следующей части на дом Рэмзи обрушивается то, что Вулф называет «низвержением тьмы» (2010, с. 144). И, конечно же, это Первая мировая война. В этом и заключается суть времени. Вся семья, вся Европа, вся цивилизация разрушены. Первая мировая война имела катастрофическое значение для европейской культуры. 74 миллиона человек были мобилизованы. От 10 до 13 миллионов человек погибли в боях. В некоторых странах, таких как Франция, шесть из десяти взрослых людей были убиты или ранены. А сразу после войны, в период с 1918 по 1919 год, произошла эпидемия гриппа, от которой погибло еще больше людей. Все старые уверенности по поводу того, что реально, что такое близость, любовь, связь, внезапно рассеялись в результате этого бессмысленного акта насилия. Друзья Вирджинии Вулф, как правило, были пацифистами, они не хотели воевать. Но были люди с другой позицией. Многие из тех, кто ушел на войну, были полны энтузиазма, они думали, что война будет краткой и великолепной, но Первая мировая оказалась уродливой, грязной и отвратительной и, кажется, бесполезной. Она полностью изменила положение Европы в мире и навсегда подорвала её прежние позиции. С точки зрения человека, страдавшего от господства европейских держав, можно было сказать, что такое изменение – это хорошо. Но для европейской культуры события начала XX века означали, что традиционные решения вопросов, даже решения эпохи Просвещения, не смогли защитить человечество от безумной жестокости и разрушительности войны. Вулф пишет: «Так, значит, все эти мечты насчет того, чтобы разделять, завершать и находить одиноко на берегу все ответы, – лишь отражение в зеркале, а само зеркало – лишь блистательная поверхность, образующаяся в состоянии покоя, покуда более благородные силы дремлют на глубине? Раздраженному, изверившемуся, но упирающемуся (красота ведь расставляет силки, соблазняет привадами) бродить по берегу уже не под силу; созерцание невыносимо; зеркало разбито» (2010, с. 152). Но что-то все-таки остается. Лилли, одна из героинь романа «На маяк», размышляет: «В чем смысл жизни? Вот и все. Вопрос простой; вопрос, который все больше тебя одолевает с годами. А великое откровение не приходит. Великое откровение, наверное, и не может прийти. Оно вместо себя высылает маленькие вседневные чудеса, озарения, вспышки спичек во тьме» (Вулф, 2010, с. 176). Эти озарения бесценны. Это то, что, согласно Дж. Э. Муру, само по себе хорошо. Лилли, как и сама Вирджиния Вулф, не ищет какого-то высшего смысла или некоей окончательной основы. Но поиск подлинной связи через чувство, которое можно выразить с помощью искусства, точно так же, как и чувство, которое можно выразить в душевной близости, – это то, за что приходится держаться после того, как случилась катастрофа. И так, в конце концов, Джеймс и его сестра вместе со своим отцом отправляются на маяк. Детей переполняет ненависть к отцу, но у них также есть опыт любви. Они знают, что он деспотичный человек. Они знают, что он во многих отношениях карикатура на мужчину, но он их отец. И они не могут не чувствовать, как любовь притягивает их к нему. Джеймс размышляет в самом конце романа о том, что все никогда не бывает одним и тем же. Маяк – это не только маяк, но и некий символ. Мистер Рэмзи – тиран, но он также его отец, а еще мужчина, который любил его мать. Вещи никогда не сводятся к чему-то одному, и каждая из их сторон важна.

Другим автором, воплотившим идеи Мура в литературе в яркой форме, был Э. М. Форстер (1879-1970). Форстер нечасто выражает свои философские взгляды напрямую. Но он написал эссе под названием «Во что я верю», вошедшее в книгу «Два приветствия демократии» (1951). В самом начале этого эссе он заявляет нечто поразительное: «Я не верю в веру». Какова его цель? Почему он говорит: «Я не верю в веру»? Он нападает на Эпоху Веры. Он пытается заменить мораль в традиционном понимании альтернативой Дж. Э. Мура. Кто здесь враг? Что это за традиционная мораль, которую они пытаются заменить? Она основана на вере, надежде, милосердии, патриотизме и других традиционных моральных идеалах. Форстер считает, что эти идеалы – плохие. Они угнетают. Человечество должно избавиться от них. Философы часто рассматривали мораль в терминах добродетелей – хороших черт характера. И поэтому человек может спросить у себя: каков мой моральный идеал? каким я хочу быть? что я хочу, чтобы люди думали и говорили обо мне? какие черты характера я хочу развить в себе? Традиционный ответ христианской цивилизации на эти вопросы: наиболее ценные добродетели – вера, надежда и милосердие; надо верить, быть твердо приверженным своим убеждениям, действовать в соответствии с ними, стремиться улучшить себя и окружающий мир и ставить других и свою страну выше себя. Это были те идеалы, которые подвергла критике группа Блумсбери. Форстер (Forster, 1938), заявляя, что он не верит в веру, отвергает традиционную картину добродетели, которая включает в себя веру, надежду и милосердие. Он говорит, что вера сама по себе является основной проблемой. Убеждения дают людям то, ради чего стоит жить, но они также дают людям то, за что можно умереть. Они дают людям то, ради чего можно убивать.

Итак, по мнению Форстера, в самой вере есть что-то глубоко проблематичное. Он говорит: «Вера, на мой взгляд, – это процесс застывания, своего рода ментальный крахмал, который следует применять как можно реже. Мне все это не нравится. Я вообще не верю в это само по себе» (Forster, 1938). Форстер считает, что он все еще живет в XIX веке – веке веры. И ему это не нравится. Он отвергает ценности XIX века. Взамен традиционной

морали он предлагает иные ценности. «Терпимость, добродушие и сочувствие, – говорит он, – вот что на самом деле имеет значение. И если мы хотим, чтобы человеческая раса не погибла, они должны вскоре выйти на первый план. На данный момент их недостаточно. Их действие не прочнее цветка, раздавленного сапогом военного. Они хотят придать жесткость, даже если процесс огрубляет их» (Forster, 1938).

Он также, конечно, ценит личные отношения: «В мире, полном насилия и жестокости, есть что-то относительно прочное. Поэтому я должен быть терпимым к другим. И я должен ценить личные отношения» (Forster, 1938). Любовь, дружба – вот что действительно важно, по его мнению. Более того, любовь и дружба – это важные человеческие достижения. Форстер признается: «Я не знаю, какой я сам. Тем более, я не знаю, каковы другие люди» (1938). Это гораздо более сложная проблема, чем познание самого себя. И, таким образом, человеческое доверие, принятие кого-то как надежного, опора на него и развитие естественной теплоты, присущей дружбе и любви, с точки зрения Форстера, это трудное достижение. Это не то, что приходит само собой. Это то, что нужно развивать и культивировать. И это важный этический идеал. Но есть также некий идеал характера, который он хочет поддерживать, помимо любви и понимания красоты. Он говорит: «Больше всего я восхищаюсь теми, кто чувствителен и хочет что-то создать или открыть для себя. Они не рассматривают жизнь с точки зрения власти. При демократии у таких людей больше шансов, чем где бы то ни было, отсюда и двоякое одобрение демократии» (Forster, 1938). Форстер, в отличие от Платона, не думает, что «благородная ложь» необходима на государственном уровне, но он считает, что в каком-то смысле мы должны основывать свою жизнь на вещах, которые не соответствуют действительности. «Люди, которых я уважаю больше всего, – говорит он, – ведут себя так, как будто они бессмертны, а общество вечно. Оба предположения ложны. Но оба они должны быть приняты как истинные, если мы хотим продолжать есть, работать и любить и хотим оставить открытыми несколько отверстий для дыхания человеческого духа» (Forster, 1938).

Контраст с Киплингом (1865-1936) едва ли может быть более очевидным. Киплинг выдвигает противоположный этический идеал. Форстер фокусируется на индивидуальных, субъективных состояниях сознания и призывает нас забыть о будущем. Киплинг сосредотачивается на объективном благополучии всей цивилизации и призывает нас сверять наши ценности с будущим, в частности, размышляя о способности нашей цивилизации выживать и процветать в долгосрочной перспективе. Поэзия Киплинга – это утверждение морали, добродетели и идеалов перед лицом цинизма. Поэт видит в цинизме угрозу цивилизации. В некотором смысле его творчество является прямым ответом на отношение, которое мы нашли у Джорджа Бернарда Шоу: цинизм, готовность отказаться от традиционной морали и традиционных ценностей. Он считает, что цивилизация зависит от этих ценностей. Ивлин Во (1903-1966) так описывал его творчество: «Киплинг считал, что цивилизация – это нечто, достигнутое с большим трудом, но защищаемое лишь ненадежными средствами. Он хотел видеть оборону полностью укомплектованной людьми. Он ненавидел либералов, потому что считал их легковверными и слабыми, верящими в то, что человек легко может совершенствоваться, и готовыми отказаться от трудов веков из-за сентиментальных угрызений совести» (The Essays, Articles..., 1983).

Помимо критики тех, кого Киплинг считает угрожающими цивилизации, а именно либералов, у него есть еще несколько тем. Одна из них – хрупкость цивилизации. Цивилизацию трудно поддерживать. Ее вообще трудно создать. Ее легко потерять. Более того, она основана на доверии, на чувстве единства цели и, в конечном счете, на готовности прибегнуть к насилию. Киплинговское понимание функций, то есть того, кто кого защищает, по мнению Джорджа Оруэлла, очень здраво (Bonevac, 2014, p. 220). Оруэлл полагает, что Киплинг ясно видит, что люди могут быть только высокоцивилизованными, в то время как другие люди, неизбежно менее цивилизованные, находятся рядом, чтобы охранять и кормить их. Таким образом, цивилизация, в конечном счете, зависит от готовности использовать насилие для своей защиты. Киплинг осуждает то, что может быть названо двухуровневой концепцией, применяемой к общественному порядку и используемой для обоснования утверждения о том, что те, кто каким-то образом понимает базовый уровень, должны контролировать ситуацию. Киплинг отвергает концепцию избранных и защищает простых людей – особенно солдат – от интеллектуалов. По его мнению, те, кто притворяется, что знает, на самом деле не знают вообще ничего и представляют собой серьезную угрозу цивилизации.

Цивилизация также зависит от того, что более поздние социологи назвали социальным капиталом. Социальные связи, надежность, готовность к сотрудничеству, общие взгляды и опыт, которые объединяют людей, – все это очень важно. Цивилизация зависит от накопления и поддержания социального капитала.

У Киплинга есть еще одна важная тема: моральная сложность. Добродетель требует компромиссов, сложных суждений и, в конечном счете, мужества.

Есть много важных вещей, которые нас волнуют, которые мы ценим и к которым относимся серьезно. Довольно часто нам приходится выбирать между ними. Иногда стремление к одному благу заставляет нас жертвовать другими вещами, которые нам небезразличны. Жизненно важно, чтобы мы были готовы идти на эти компромиссы, чтобы мы понимали, что надо делать трудный выбор и что все, что мы делаем в жизни, сопряжено с определенной (иногда большой) степенью морального риска. Нам приходится отказываться от действительно ценных вещей, чтобы достичь чего-то другого.

Заключение

Социокультурными предпосылками формирования основных направлений мировоззренческих поисков в начале XX века явились крупные социальные потрясения и неспособность как традиционной, так и модернистской этики предотвратить катастрофическое развитие событий.

Общефилософскими основаниями аксиологических концепций английских философов и писателей явилось неопозитивистское представление о недоказуемости широкого круга высказываний религиозного, метафизического и этического характера.

В межвоенный период сформировались две принципиально различные этические позиции. Одна из них была направлена на коренной пересмотр традиционных подходов, провозглашая высшей ценностью внутреннее состояние. Вторая исходила из незыблемости и актуальности традиционных ценностей.

Основное противоречие в аксиологии данного периода – это противоречие между разочарованием в традиционных ценностях и необходимостью поддерживать социальные структуры, имеющие своей аксиологической основой эти традиционные ценности. Последователи нового мировоззрения осознали в качестве своих высших ценностей утонченные внутренние состояния, но возможность существования этих состояний нуждалась в защите со стороны людей с традиционными ценностями социальных структур, построенных на этих старых ценностях.

В дальнейшем мы планируем рассмотреть попытки разрешения этого противоречия, проявления этого противоречия и его отражение в социальной практике.

Материалы исследования | Research materials

1. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / пер. с франц. В. Гайдамака, А. Матешук. М.: ИРИСЭН; Социум, 2009.
2. Вулф В. На маяк: роман / пер. с англ. Е. Суриц. СПб.: Азбука-классика, 2010.
3. Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.
4. Forster E. M. What I Believe. 1938. https://www.skeptic.ca/EM_Forster_What_I_Believe.htm
5. The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh. 1983. <https://archive.org/details/essaysarticlesre0000waugh/page/n5/mode/2up>

Источники | References

1. Авраменко И. А. Диалогические отношения в романе В. Вулф «На маяк» // Мировая литература в контексте культуры. 2012. № 1 (7).
2. Грязнов А. Ф. Джордж Мур и становление аналитической философии // Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006.
3. Кононов Е. А. Метаэтика: теоретический обзор. М., 2023.
4. Петрова Н. Э. О способах репрезентации концепта «жизнь» в романе В. Вулф «На маяк»: ценностная составляющая концепта // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2010. Т. 12. № 3-1.
5. Baldwin T. G. E. Moore. L.: Routledge, 1990.
6. Bonevac D. Ideas of the Twentieth Century. Austin: University of Texas Press, 2014.
7. Brander L. E. M. Forster: A Critical Study. L.: Hart Devis, 1968.
8. David C. Rudyard Kipling: A Critical Study. New Delhi: Anmol, 2007.
9. Hutchinson B. G. E. Moore's Ethical Theory. N. Y.: Cambridge University Press, 2001.
10. Summers C. J. E. M. Forster. N. Y.: Frederick Ungar Publishing Co., 1983.

Информация об авторах | Author information

Арапов Александр Владиленович¹, д. филос. н., доц.
¹ Воронежский государственный университет

Alexander Vladilenovich Arapov¹, Dr
¹ Voronezh State University

¹ arpv@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.07.2025; опубликовано online (published online): 24.10.2025.

Ключевые слова (keywords): кризис традиционных ценностей; поиск новых ценностей; метаэтика; Блумсберийская группа; crisis of traditional values; search for new values; metaethics; Bloomsbury Group.